

Тысячи лет человечество отчаянно боролось за право царствовать на Земле. Тысячи лет войны и герои, инквизиторы и жрецы огнем и мечом истребляли нелюдей, стирая даже память об их существовании. Ведьмы, оборотни, гномы... Наши предки преследовали их и беспощадно уничтожали, считая, что на Земле есть место только человеку. Казалось, они одержали победу...

Шли годы, и постепенно люди забыли об осторожности. Все богатство мира оказалось в их руках, и соблазны поглотили мрачных инквизиторов. Воины вернулись к сохе, герои надели шлепанцы и заняли места у каминов. Нудные рассказы обростали все более красочными подробностями, превращая реальные события в мифы и сказки. Память о славных победах умерла с последним героем.

Но история еще не знала окончательных побед...

ПРОЛОГ

— Почему ты волнуешься? — резко обернулся мальчик.

Врасплох он ее не застал.

— Я? — Женщина удивленно изогнула тонкую черную бровь.

Мальчик смутился:

— Я чувствую. Ты же знаешь, я отчетливо чувствую ауру. Ты сильно беспокоишься.

Женщина едва заметно улыбнулась. Совсем чуть-чуть, уголками губ, буквально заставив его искать улыбку на своем красивом, тонком лице.

— В тебе заложена огромная сила, Любомир, от тебя ничего не скроешь. Это пригодится будущему правителю Великого Дома. Где моя шкатулка?

Изящная золотая коробочка, хранившая только самые любимые драгоценности, стояла на маленьком столике справа от кресла, в котором расположилась женщина. Надо было лишь протянуть руку.

Мальчик быстро обошел кресло, взял шкатулку и откинул крышку. На вид ему было лет тринадцать. Светловолосый, невзрачный, худенький, слишком щуплый по меркам Зеленого Дома, он выглядел бы даже смешно, если бы не глаза. Огромные, ярко-зеленые глаза Любомира приковывали к себе, гипнотизировали, они отражали невероятную силу, заложенную в его сердце. Силу дикой, первозданной магии, силу, которой позавидовал бы любой маг Тайного Города.

— Будь добр, поддержи шкатулку.

На этот раз женщина одарила мальчика самой настоящей улыбкой. Полные, четко очерченные губы разошлись, обнажив ровный ряд мелких белых зубов, на щеках заиграли маленькие озорные ямочки, а в ярко-зеленых глазах на мгновение запылали ослепительные и немного безумные огоньки. Любомир пошатнулся: ее улыбка действовала не хуже наркотика, заставляя забывать обо всем на свете и ждать, ждать, ждать, когда же снова в глазах женщины прокользят этот чудный, пьянящий огонек. Он сделал крохотный, совсем незаметный шагок, и теперь их разделяли какие-то пять-шесть дюймов. Пока непреодолимое препятствие.

— Надо подобрать что-нибудь не очень броское, — задумчиво протянула женщина, разглядывая свою богатую коллекцию.

Любомир не сводил глаз с ее загорелых плеч, стройной шеи и густой копны светлых, почти белых волос, уложенных в замысловатую прическу. Не в силах побороть себя, он чуть склонился и уловил идущий от ее волос тонкий запах жасмина.

— Не правда ли, оно прелесть? — Женщина нежно погладила только что надетое кольцо. — Ты не находишь?

Мальчик судорожно кивнул:

— Очень красивое.

Кольцо и впрямь было сделано со вкусом. Тонкая золотая полоска, покрытая причудливым орнаментом, замыкалась большим, необычной огранки изумрудом, способным, казалось, сверкать даже ночью, при свете звезд. Его подарил Мечеслав, широкоплечий барон Мечеслав — повелитель домена Сокольники. Любомир видел, как женщина расцветает при появлении этого туповатого драчуна, и всякий раз бессильная ярость сводила ему скулы, заставляла сжиматься маленькие, хрупкие ладошки в такие же маленькие, хрупкие кулачки.

— Мне нравится, как он играет, — тихо произнесла женщина, задумчиво глядя на изумруд. — Чья душа живет в нем?

— Героя или красавицы, — улыбнулся Любомир, — а может быть, ювелира.

Он ненавидел это кольцо.

Шкатулка вернулась на столик. Любомир сделал пару неуверенных шагов и остановился посреди комнаты.

— Ты не объяснила причин своего волнения.

Она уже достаточно изучила мальчика, чтобы понять, что свой вопрос он не забудет.

— Не сочти за преувеличение, Любомир, но сегодня у нашего народа великий день, который мы ждали очень долго. Некоторые даже перестали верить, что пророчество сбудется и ты, Вестник, придешь. Что у нас снова появится надежда. — Она медленно окинула ласковым взглядом хрупкую фигуру мальчика. — Сегодня один из самых главных дней в моей жизни, мне

предстоит донести до народа Зеленого Дома великую новость. Неужели ты думаешь, что я могу быть спокойной?

— Однако большая часть народа останется в неведении относительно моего появления, — Любомир снова резко обернулся.

— И продолжит оставаться, — подчеркнула женщина.

«Не слишком ли ты умен, шенок, для своих тринадцати лет?»

— Мы обязаны хранить тайну.

— Почему?

— У нас слишком много врагов. — Женщина перевела взгляд на свое отражение в зеркале. Кажется, все в порядке, хотя... Она чуть вскинула голову и осторожно поправила ногтем выбившийся волосок. — Неужели Ярослава не говорила тебе?

— Нет.

— Странно, обычно она весьма разговорчива.

— Я многим обязан жрице Ярославе, — насупился Любомир. — Она была со мной практически с самого рождения и...

— Да, я помню.

«Как эта проныра вообще узнала о твоём рождении? Проклятая интриганка».

— Ярослава сказала, что я должен быть представлен народу, но ты настаиваешь на том, чтобы о приходе Вестника узнал лишь королевский совет.

— У меня имеются основания для этого.

— Я хотел бы их знать.

«Не иначе Ярослава нашептала. Она не успокоится, пока не сместит меня с трона».

— Бароны Зеленого Дома обязаны знать, что предсказание сбылось и Вестник пришел. — Женщина рассеянно взяла со столика пуховку, но почти сразу же

отложила ее. Макияж был нанесен идеально. — Баронов всего восемь, и мы можем положиться на них. Если же о твоём приходе узнает весь народ, то по Тайному Городу неизбежно поползут слухи. Через два, максимум три дня аналитики Великих Домов просчитают твоё появление и объявят охоту. А возможно, даже развяжут войну.

Несколько секунд Любомир молчал, стоя посреди комнаты и глядя куда-то в потолок. Все это время женщина не сводила глаз с его отражения в зеркале.

— Какое им дело до меня? — спросил наконец мальчик. — Я не хочу войны.

— К сожалению, твоё появление — уже достаточный повод для её начала. Великие Дома не будут ждать, пока ты вырастешь, научишься управлять своей силой и уничтожишь их. Они постараются успеть первыми. Ты на их месте поступил бы точно так же.

Любомир вздрогнул:

— Я не на их месте.

— Это не важно. Тысячелетия преследований отточили в нас инстинкт самосохранения, мы чувствуем угрозу лучше всех в этом мире. Тебе предсказано возродить нашу империю. Зеленый Дом воспрянет, и танцующий журавль утвердится в каждом уголке Земли. Для остальных Великих Домов это означает смерть.

— Я несу войну, — тихо произнес мальчик. — Я несу смерть Великим Домам.

До сих пор он редко задумывался о своём предназначении, и жесткие слова женщины выбили его из колеи. Сердце Вестника забилося сильнее.

— Тебе суждено возглавить поход. — Она снова улыбнулась. Весело, по-настоящему. — У тебя великое будущее, Любомир, великое предназначение.

— Выходит, у них есть повод для того, чтобы убить меня.

— Для убийства всегда найдется повод, — отчеканила женщина. — Но не волнуйся. Великий Дом Людь умеет хранить свои тайны, а в крайнем случае мы защитим тебя, пока ты не окрепнешь.

— Я — Вестник, — твердо произнес мальчик.

Его сердце успокоилось и теперь стучало редкими, тяжелыми ударами.

«Вестник!»

Прекрасные глаза женщины яростно вспыхнули. Впервые за десять тысяч лет среди людов родился мужчина, обладающий магическими способностями, и надо же — именно сейчас. Она еще так молода, полна сил, у нее было столько планов, столько идей...

— У меня есть подарок для тебя, Любомир. — Женщина поднялась и позвонила в маленький золотой колокольчик.

Она легко взяла себя в руки. Поняв еще при самой первой встрече, что звереныш способен почувствовать малейшие перепады настроения, она стала очень осторожной.

На подносе, который держала появившаяся фрейлина, лежал тонкий золотой обруч, украшенный крупным изумрудом.

— Это твоя первая корона, мой маленький принц.

Женщина сама надела украшение на склоненную голову Любомира и нежно поцеловала его в лоб, аромат жасмина вновь окутал мальчика. Любомир был почти счастлив. Подозрения, которыми пропитала его жрица Ярослава, рассеялись.

— Сегодня ты впервые увидишь своих подданных, Вестник.

— Я их не разочарую.

— Ваше величество, — дверь приоткрылась, — пора.

Красавица Всеслава, королева Великого Дома Людь, верховная жрица Зеленого Дома и хранительница Ко-

лодца Дождей, в последний раз посмотрела на свое отражение и слегка кивнула мальчику:

— Нас ждут, Вестник.

Тронный зал Зеленого Дома блистал той бессмысленной, вычурной пышностью, которая всегда отличает торжественные, но никому не нужные мероприятия. Правда, почувствовать это мог только завсегдашай. А вот нечастый посетитель больших королевских приемов или неискушенный в утонченном этикете простолюдин были бы потрясены великолепием убранства. Темно-зеленая мозаика пола плавно перетекала в мягкие оливковые тона обтянутых шелком стен, прорезаемых яркими молниями устремленных к высокому потолку малахитовых колонн. В специальных клумбах вдоль стен цвел густой кустарник, создавая в зале неповторимый аромат упоительной свежести, а огромная люстра горного хрусталя при поддержке многочисленных бра заливала помещение ослепительно ярким светом. Королевский трон, элегантный, украшенный крупными изумрудами, находился на невысоком подиуме, а прямо за ним, на большом щите, изящно раскинул крылья танцующий журавль — герб Великого Дома Людь.

Тронный зал производил впечатление, не мог не производить, но гости, съехавшиеся сегодня, были завсегдашайми королевских приемов и, разумеется, отметили отсутствие той легкой атмосферы безудержного и беззаботного веселья, которая всегда отличала Зеленый Дом при королеве Всеславе. Пышность была подчеркнута будничной, торжественность — подчеркнута официальной, и даже лакейские улыбки — подчеркнута дежурными. Ее величество в непринужденной форме давала понять, что событие, ради которого ее подданных собрали во дворце, — не праздник.

— А если не праздник, то ради чего весь этот сырбор? — тихонько проворчал себе под нос барон Светломир. — Текущие вопросы надо решать в рабочем порядке, клянусь бородой Спящего.

Барон давно разменял семнадцатый десяток, и диалоги с самим собой являлись для него скорее правилом, хотя, с другой стороны, никто не подвергал сомнению его колоссальный опыт и житейскую мудрость. Обычно в окружении Светломира присутствовал один из многочисленных внуков, который тактично прерывал повелителя Измайловского домена, не давая диалогу перерасти в спор или, что совсем недопустимо, в скандал. Но на этот раз в тронный зал допустили лишь избранных, и сподвижники Светломира, а также всех остальных приглашенных ожидали своих вождей в холле дворца.

Выпив бокал шампанского, Светломир почувствовал необходимость более живого общения. Он молодецкато подкрутил седые пушистые усы и обернулся к стоящему неподалеку барону Святополку:

— Круг приглашенных сегодня удивительно узок, сынок, ты не находишь?

Будучи моложе Светломира как минимум на полсотни лет, Святополк совсем не обиделся на столь фамильярное обращение:

— Если бы ее величество ограничилась приглашением только баронов, нам пришлось бы долго искать друг друга в этом зале. Признаться, я никогда не думал, что он настолько велик.

Светломир недовольно покачал головой:

— Говори помедленнее, сынок, ты проглатываешь слова.

Признаваться в том, что он попросту не успевает за ходом мыслей молодого собеседника, повелитель Измайловского домена не собирался.

— Согласен с вами, барон, — чуть не по слогам произнес Святополк. — Столь малочисленный прием не в стиле нашей королевы.

Молодой барон огляделся. Приглашенные неугодно чувствовали себя в обширном, рассчитанном на королевские приемы зале. Не было пышных свит, заносчивых виконтов и жеманных дам. Не было привычной суеты и гомона, гордых взглядов и напыщенных речей. Лидеры Великого Дома Людь — восемь баронов и восемь жриц Зеленого Дома — рассеялись по великолепному залу и лишь изредка перебрасывались короткими фразами.

Святополк с неудовольствием посмотрел на простые, наглухо застегнутые платья жриц и прикрыл глаза. Королевские приемы — это всегда праздник. Дамы состязаются в пышности туалетов, бароны с важным видом потягивают винцо и косятся на юных фей, которым строгие правила волшебниц Зеленого Дома еще позволяют откровенные наряды. По общему мнению, Всеслава, даже став жрицей, осталась в душе озорной и раскрепощенной феей, что одни считали недостатком, зато многие другие — очень большим преимуществом. Феи на приемах — в центре внимания. Вокруг них непременно ошивается дворянская молодежь — виконты, воеводы и даже шумные рыцари Великого Дома Чудь. Из их компаний доносится громкий смех, в запасе всегда достаточно зубастых эпиграмм и двусмысленных шуток, а под занавес молодые лейтенанты-чуды обязательно договариваются о дуэлях с молодыми виконтами-людьми. Справа, у малахитовых колонн, обычно группируются выходцы из Темного Двора: степенные шасы в длинных темно-синих одеяниях — смуглые и носатые любители хороших коньяков; острые на язык эрлийцы — прирожденные врачи и большие обжоры; наконец, навы — высокие, худые,

изучающие непроницаемо-черными глазами чуждую им пышность. Никто не знал, получают ли навыв удовольствие от королевских приемов, но являются они всегда вовремя, ни разу не оскорбив отказом честь Зеленого Дома, выстраиваются поближе к стене, и только Сантьяга с непринужденностью авианосца курсирует по тронному залу, рассыпаясь в комплиментах и отведевывая коллекционные вина. Станный все-таки нав этот Сантьяга...

Святополк стряхнул с себя наваждение.

— Я слышал, Всеслава по каким-то причинам не хотела официально созывать большой королевский совет, — бурчал тем временем Светломир. Старик успел опрокинуть еще один бокал шампанского и разрумянился. — Поэтому нам разослали именные приглашения на эту «аудиенцию». Что ты думаешь об этом, сынок?

— Она явно что-то скрывает.

— Королева Всеслава всегда что-нибудь скрывает, но на этот раз ее скрытность во благо, — обронила проществовавшая мимо Ярослава, одна из жриц Зеленого Дома.

Тон, которым было произнесено слово «королева», не оставлял сомнений в ее отношении к повелительнице Великого Дома Людь.

Мужчины вежливо поклонились высокой жрице и переглянулись.

— Она явно в курсе, — заметил Святополк.

— Жрицы всегда в курсе, не то что мы, бароны, — вздохнул Светломир. — Они просто вытирают о нас ноги, клянусь бородой Спящего. В своем домене я уже и чихнуть не могу, не спросив разрешения у этой... жрицы. Девчонка вздумала меня учить, клянусь бородой Спящего. Я собираю налоги, и я...

— Не думаю, что все так плохо, уважаемый Светло-

мир, — рассудительно ответил молодой барон. — В конце концов, мужчины нашей семьи не способны к магии.

— Магия, — хмыкнул старик. — Надо брать пример с челов: никакой магии! И неплохо живут, клянусь бородой Спящего. Если мужчины не способны к магии — значит, она не нужна!

— Разумеется, разумеется. — Святополк любовно потер изумруд на баронской цепи и решил сменить тему: — Кстати, вы не обратили внимание на некоторую оппозиционность в голосе уважаемой жрицы Ярославы?

— Ты тоже заметил, сынок? — живо отозвался Светломир. — Я думаю, она до сих пор не может простить королеве выборы. Помнишь, Ярослава тоже претендовала на трон.

— Но ведь прошло уже два года.

— Какая разница, сынок? — Светломир многозначительно улыбнулся. — Ярослава уверена, что результаты выборов подтасованы, клянусь бородой Спящего.

— Сплетни, — со спокойной уверенностью заявил неожиданно подошедший барон Мечеслав. — Всеслава моложе и умнее Ярославы. Выбор жриц был абсолютно оправдан.

— Согласен, — закивал Светломир. — Глупый слух. Не знаю, почему я о нем вспомнил.

— Вряд ли подобные разговоры идут на пользу Зеленому Дому. — Мечеслав прищурился на стоящую неподалеку стайку жриц, среди которых выделялась длинная фигура Ярославы.

— Совершенно верно, — склонил голову Святополк.

Все знали об особых отношениях между ее величеством и коренастым повелителем домена Сокольники, поэтому проявлять неуважение к королеве в присутствии Мечеслава было бы крайне неосмотрительно. Ба-

рон считался лучшим фехтовальщиком Великого Дома Людь.

— К сожалению, у королевы много завистниц, — подытожил Мечеслав.

— Издержки власти, — подтвердил Святополк. — Кстати, барон, вы случайно не знаете, ради чего мы собрались?

— Разумеется, знаю, — мгновенно нашелся тот, уставившись на собеседника мутно-зелеными глазами. — Желая консолидировать нацию, ее величество приняла решение об увеличении налогов на четверть, плюс поднимается стоимость энергии Колодца Дождей. Сегодня об этом будет официально объявлено.

Лица баронов резко вытянулись.

— Вы серьезно?

— Этого не может быть! Мы и так еле сводим концы с концами!

— Глядя на вас, такого не скажешь, друзья! — Довольный произведенным эффектом, Мечеслав едва сдерживал хохот. — Посмотрите на меня: вот уж кого заела нужда.

Бароны поджали губы. Домен Сокольники был самым богатым владением Зеленого Дома, однако его повелитель славился удивительной небрежностью в одежде. Вот и сейчас его костюм был изрядно помят, а из драгоценностей присутствовал лишь массивный золотой браслет на правом запястье. Даже баронской цепью Мечеслав пренебрег.

— Шутки у вас... — недовольно проворчал Светломир.

Мечеслав молча похлопал его по плечу, но сказать ничего не успел: в залу вплыл напыщенный дворецкий.

Шум стих. Выдержав небольшую паузу, дворецкий

важно оглядел присутствующих и громким, хорошо поставленным голосом провозгласил:

— Ее величество королева Зеленого Дома Всеслава!

Против ожидания большинства присутствующих Всеслава появилась не из главных дверей, с тем чтобы важно прошествовать через весь зал в сопровождении многочисленных фрейлин и пажей, а вышла из маленькой, практически незаметной дверцы позади трона. Последовало секундное замешательство, и только после этого бароны, согласно этикету, склонились в глубоком поклоне.

— Благодарю, что вы откликнулись на мой зов.

Мановением руки Всеслава отпустила дворецкого и осталась со своими вассалами. Выпрямившись, бароны и жрицы округлили глаза: впервые со времени восшествия на престол королева выглядела так скромно, так похоже на жрицу. Простое темно-зеленое платье, подчеркивающее идеальную фигуру Всеславы и оставляющее открытыми хрупкие плечи, изумрудная диадема и только одно кольцо — это было еще более необычным, чем странная «аудиенция». Охваченные смутными предчувствиями, присутствующие сгрудились вокруг трона.

— Мои верные подданные, — начала Всеслава, так и не заняв свое законное место, — новость, которую я хочу вам сообщить, достойна созыва большого королевского совета. Однако, обсудив все нюансы с некоторыми жрицами Зеленого Дома, я решила отойти от принятых правил с целью сохранения тайны. Каждый из вас, мои отважные бароны, получил именное приглашение на аудиенцию. В своих доменах вы скажете, что речь шла об изменениях в налоговой политике короны.

— Как будет угодно вашему величеству, — покорно склонили головы сгорающие от любопытства люди.

Всеслава подошла к трону и, стоя вполоборота к залу, мягко провела рукой по обитому зеленым бархатом подлокотнику.

— Власть, — задумчиво произнесла она, — могущество. Помним ли мы, что это значит? Времена подлинного величия Зеленого Дома давно миновали. Много веков прошло с тех пор, как наша империя правила этим миром и тень журавлиных крыльев лежала на всем его пространстве. Теперь мы вынуждены ютиться в этом крохотном городе, соседствовать с маленькими расами, обсуждать с другими неудачниками незаметные проблемы, делить с ними жалкие крохи, которые нам достаются, и прятаться, скрывая свою истинную сущность. Наша жизнь превратилась в бессмысленную возню. Мы живем лишь для того, чтобы жить. Каждое утро мы встречаем солнце, как тупые фермеры: с благодарностью и покорностью судьбе, и с каждым днем наши дети все меньше и меньше вспоминают о величии их расы. Появляется все больше и больше полукровок. Мы вырождаемся.

Бароны заволновались. Впервые на их памяти королева поднимала столь серьезный вопрос. Со времени последней войны между Великими Домами прошло уже несколько лет, неужели снова?

— Попомните мои слова, мы еще покажем этим проходимцам, клянусь бородой Спящего! — радостно заявил раскрасневшийся от выпитого Светломир и громко крикнул: — Веди нас, королева! Мы с тобой!

— Чем мы можем гордиться? — продолжила тем временем Всеслава. — Что ждет нас впереди? Что мы оставим нашим детям?

Явно война! Бароны начали украдкой переглядываться.

Война? Но с кем? С Темным Двором? Вряд ли.

Всеслава женщина молодая, но не сумасшедшая. Опять с чудами?

— Пора установить в Тайном Городе наш порядок! — не унимался Светломир. — Клянусь бородой Спящего, я счастлив, что дожил до этого дня!

Святополк, которому надоело одергивать распоясавшегося старика, молча допил согревшееся шампанское. В прошлой войне его Перовский домен здорово пострадал от нашествия рыцарей, и барон не горел желанием ввязываться в новую драку. Но он был в явном одиночестве, все остальные чутко ловили каждое слово Всеславы.

— Я не призываю вас к войне!

По залу прокатился вздох разочарования. Королева улыбнулась:

— Пока. Я призываю вас вспомнить старое предсказание, сделанное восемь тысяч лет назад.

Восемь тысяч лет назад королева Изара, последняя правительница великой империи Людь и величайшая из жриц в истории Зеленого Дома, предчувствуя грядущий упадок, собрала все свои силы на заклинание Великого Пророчества. Последнее и самое сильное заклинание в ее жизни.

Всеслава откинула голову и, прикрыв глаза, процитировала:

— «И настанет час, когда из тьмы угасания блеснет луч надежды для некогда великого рода, родится мужчина, превосходящий женщину в колдовстве, и имя его будет — Вестник. Велика будет сила Вестника, никто не сравнится с ним ни в колдовстве, ни в ведовстве, ни в черной магии, ни в белой, ни в магии огня, ни в магии воздуха, ни в магии земли, ни в магии воды. И не будет врагов, достойных его. Великим императором станет Вестник и будет править два века без одно-

го года, и после него будет Людь править миром, пока не проснется Спящий».

Королева замолчала и открыла глаза:

— Тринадцать лет назад Вестник родился.

В зале раздался крики. Ярослава горделиво выпрямилась, в ее глазах заиграл торжествующий огонек. Светломир утер выступившие слезы:

— Наконец-то мужчина-колдун, клянусь бородой Спящего, мужчина! Война не за горами! Да здравствует Великий Дом Людь!

— Смерть врагам Зеленого Дома!

— Война!

— Да здравствует Вестник!

Королева покачнулась, ярость баронов ужаснула ее.

Маленькая дверца позади трона вновь открылась, и в залу неуверенно шагнул худенький подросток, одетый в простую зеленую рубашку до колен и штаны, заправленные в короткие сапожки. Длинные светлые волосы мальчика были перехвачены тонким золотым обручем с крупным изумрудом.

В полнейшей тишине Вестник приблизился к трону и неторопливо оглядел присутствующих. Его сердце билось медленно, и с каждым его ударом головы властителей Зеленого Дома склонялись все ниже и ниже.

— Предсказание королевы Изары свершилось, — объявила Всеслава. — Вестник пришел!

ГЛАВА 1

«...Пресс-конференция в управлении полиции подтвердила наихудшие опасения журналистов: череда загадочных убийств, потрясших Москву, — дело рук одного маньяка, которого с легкой руки нашего обозревателя Карима Томба прозвали Вивисектором. Напомним, что жертвами маньяка становятся исключительно молодежные девушки...» («Московский комсомолец»)

«...Сенсация на рынке магических услуг! Вчера вечером пресс-служба Великого Дома Чудь объявила о снижении на десять процентов цен на энергию Источника, нарушив, таким образом, достигнутую шесть лет назад договоренность между Великими Домами. Подконтрольные Ордену маги уже уменьшили стоимость конечной продукции, что свидетельствует о том, что эта акция была четко спланирована и нацелена на передел ключевого рынка Тайного Города. Остальные Великие Дома хранят молчание, но мы уверены, что демпинговая политика чудов...» («Тиградком»)

* * *

*Замок, штаб-квартира Великого Дома Чудь.
Москва, проспект Вернадского,
20 июля, вторник, 23.24*

Великий Дом Чудь, или Орден, как еще называли эту семью, занимал три стройные многоэтажки, выдержанные в стиле брежневского модерна. Располо-

женные в самом начале Вернадского, справа, если ехать от Москвы-реки, они элегантно башнями противостояли массивным и безликим муниципальным коробкам, выстроившимся по другую сторону проспекта. Высокие, тонкие, они казались тремя боевыми крейсерами, случайно зашедшими в маленький торговый порт, а мощные спутниковые антенны и ухоженный внешний вид только подчеркивали это сравнение.

Внутренняя жизнь обитателей Замка была надежно защищена. Каждый дюйм окружающей местности держали под контролем камеры видеонаблюдения, высокая стена и пышные кроны деревьев закрывали обширную внутреннюю территорию от посторонних глаз, а единственные ворота, выходящие на проспект, были снабжены не новомодным шлагбаумом, а тяжелой стальной плитой с изображением вставшего на дыбы единорога. Какие еще ловушки приготовили для незваных гостей гвардейцы великого магистра, доподлинно никто не знал, но Франц де Гир, капитан гвардии, был мастером войны — ведущим боевым магом Ордена — и свой хлеб отработывал на совесть. Сети, сплетенные им вокруг Замка, были готовы различить и вытянуть энергию из любого колдуна, приблизившегося к штаб-квартире чудов с недобрыми намерениями. Замок был настоящей крепостью, готовой выдержать и многодневную осаду, и стремительный штурм. Готовой всегда, несмотря на действующее между Великими Домами перемирие.

Церемониал торжественной встречи был выдержан до мельчайших подробностей.

Едва автомобили гостей пересекли проспект Ломоносова, тяжелые ворота стали медленно раскрываться, и небольшой кортеж, состоящий из белоснежного пе-

рехватчика ДПС с включенными проблесковыми маячками и двух черных, классически изогнутых «Роллс-Ройсов», не снижая скорости, проехал во внутренний дворик. Здесь автомобили разделились. Перехватчик и один из «Роллсов» повернули направо и скрылись в подземном гараже. Второй лимузин плавно обогнул центральную башню Замка и остановился на небольшой площадке перед широкой мраморной лестницей, на которой, случай крайне редкий, гостей ожидал Франц де Гир.

Слева от лестницы был выстроен почетный караул из двух десятков гвардейцев. По случаю терзающей город жары парадная форма была существенно облегчена: кирасы заменили красные куртки, украшенные золотым изображением вставшего на дыбы единорога, а закрытые стальные шлемы — позолоченные каски, разноцветные плюмажи которых перебирал легкий ветерок. В остальном же все осталось, как всегда: кружева, рейтузы, блестящие сапоги и прямые кавалерийские палаши. С другой стороны лестницы развевались штандарты действующих лож Ордена: красно-синий ложи Мечей, красно-черный ложи Драконов, красно-желтый ложи Саламандры, красно-зеленый ложи Горностаев и самый большой, ярко-алый — штандарт Великого Дома Чудь. Тяжелые полотна горделиво показывались в тишине торжественной встречи, напоминающая о славной истории Ордена. А за спинами гвардейцев и знаменосцев плотным кольцом площадь окружили многочисленные зеваки, сбежавшиеся поглазеть на редких гостей со всего Замка.

Едва автомобиль остановился, пажи распахнули дверцы и, отступив, склонились в глубоком поклоне.

Высокий мужчина в длинном темно-синем плаще с тонкой золотой вышивкой на плечах медленно выбрался из лимузина и, тяжело опираясь на черный по-

сох, сделал два маленьких шага к лестнице. Лицо пришельца скрывал низко надвинутый капюшон, кисти рук — длинные рукава плаща, и публике оставалось довольствоваться лишь долговязой фигурой гостя.

Внешний вид советников Темного Двора, высших иерархов Великого Дома Навь, всегда оставался тайной.

С противоположной стороны из автомобиля вышел такой же высокий, как советник, худошавый мужчина в великолепно пошитом костюме и дорогом галстуке. Внимательно оглядев встречающих черными, глубоко посаженными глазами, он легким движением поправил безупречную прическу и, быстро обойдя «Роллс», занял место за спиной своего спутника. По толпе пробежал шепоток: этого нава, Сантьягу, комиссара Темного Двора, в Замке недолюбливали. Он был карающей дланью князя, и не один галлон рыцарской крови пролился по его вине.

Выдержав небольшую паузу, Франц де Гир слегка поклонился:

— Великий магистр ожидает посланников Темного Двора!

Внутреннее убранство Замка до мельчайших подробностей отвечало вкусам его хозяев: грубая каменная кладка, сводчатые потолки, массивная деревянная мебель, развешанные на стенах оружие и гобелены... Не хватало разве что собак и лошадей. Настенные светильники, стилизованные под факелы, только подчеркивали разительное отличие между современным внешним видом здания и его интерьером.

Поднявшись на четвертый этаж, гости и их сопровождающие оказались в большом, ярко освещенном помещении, украшенном многочисленными мраморными барельефами. Чуды до хвастовства гордились своей историей, вследствие чего посетители тронного

зала были вынуждены любоваться давно забытыми подвигами славных рыцарей. Между каменными картинами располагались подобающие по размеру щиты с гербами всех лож Великого Дома, в том числе и тех, память о которых выветрилась из рыжих голов самих чудов. Самый большой щит, герб на котором изображал вставшего на дыбы единорога, нависал над тронном. Здесь ожидал гостей невозмутимый седой бородач в украшенной крупными рубинами короне.

Леонард де Сент-Каре, великий магистр и мастер мастеров.

Массивную фигуру повелителя Чуди окутывала пурпурная мантия, подбитая горностаем, в правой руке он держал золотой жезл, а левой опирался на тяжелый двуручный меч. Вокруг трона, по двое с каждой стороны, расположились магистры лож, а вдоль стен — лидеры ложи Мастеров, ведущие маги Ордена. Так же, как великий магистр, чужды были в классических одеяниях: плащи, камзолы, широкие ремни с огромными пряжками и церемониальные кинжалы. На фоне этого великолепия светский наряд Сантьяги выглядел не к месту, но комиссара это вряд ли беспокоило.

— Советник Темного Двора! — провозгласил Франц де Гир и сам закрыл тяжелые дубовые двери.

Навы не спеша приблизились к трону и поклонились:

— Мой повелитель, князь Темного Двора, желает здравствовать тебе, великий магистр, и всей благородной Чуди.

Голос, доносящийся из-под капюшона, был глухим и чуть-чуть шипящим.

— Благодарю, — кивнул де Сент-Каре, — но уверен, вы просили об аудиенции не для того, чтобы пожелать мне здоровья. Какое дело привело вас в Орден?

Рыцари славились своим умением сразу присту-

пать к делам. Посланник Темного Двора немного помолчал.

— Два дня назад князь посетил Дегунинского Оракула. Знаки, которые появились в Зеркале Нави, требовали объяснений.

Среди чудов пробежал удивленный шепоток: повелитель Темного Двора крайне редко нуждался в советах извне.

— И что открыл Оракул? — поинтересовался заинтригованный де Сент-Каре.

— Причина, которая заставила князя отправиться в Дегунино, заключается в том, что равновесие в Тайном Городе нарушено. Уровень магической энергии в Источниках нестабилен. Мой повелитель считает, что ты тоже почувствовал это.

Великий магистр медленно покачал головой:

— На поверхности воды всегда будет рябь. Уровень энергии никогда не был постоянным, а маленькая волна — это еще не буря.

— Буря приходит следом, и горе тому, кто не приготовился.

— Князь хочет проверить готовность Ордена? — Кустистые брови де Сент-Каре сошлись к переносице.

Рыцари зароптали, впрочем, не слишком уверенно. В последний раз, чтобы утихомирить разбушевавшихся навов, Чудь и Зеленый Дом были вынуждены объединить войска и вторгнуться в сектор Темного Двора с двух сторон. Окруженные навы сели за стол переговоров, но многие были убеждены, что сделали они это вовсе не из страха поражения.

— Вашу готовность испытают другие, — не обращая внимания на задиристых чудов, продолжил советник. — В Тайном Городе появился очень сильный колдун, который угрожает всем Великим Домам.

— Взялся из ниоткуда? — осведомился великий магистр.

— Его появление ожидалось.

— И кто же он? — Де Сент-Каре с усмешкой оглядел зал. — Такой опасный?

Рыцари заулыбались.

— Мы знаем только его имя — Любомир.

— Любомир, — повторил великий магистр, — люд? Или, может быть, чел?

Чел — колдун! Рыцари охотно поддержали шутку своего повелителя, и по залу прокатился легкий смешок.

— Люд. — Если посланник Темного Двора и был раздражен поведением чудов, то это никак не проявлялось.

— В Зеленом Доме только женщины способны к магии, — отрезал великий магистр. — Это знают даже дети.

— Факт остается фактом: колдун — люд, — спокойно ответил советник, — правда, он был изгнан из Зеленого Дома и действует самостоятельно.

— Что может колдун, изгнанный из своей семьи? — не выдержал Антуан де Кулье, магистр ложи Драконов. — Без поддержки, без библиотеки, без энергии. Ему остается только гадать по руке или выращивать авокадо.

— Поддержку он получил в детстве, когда его образованием занимались лучшие жрицы Зеленого Дома, — сухо объяснил нав, — это во-первых, во-вторых, при его возможностях проникнуть в любую библиотеку не составит никакого труда. Кстати, мы временно заблокировали свое хранилище и рекомендуем вам сделать то же самое. А что касается энергии, то, по нашим оценкам, Любомир полностью контролирует Ис-

точник Зеленого Дома — Колодец Дождей — и черпает из него столько энергии, сколько ему нужно.

— Это нереально! — выкрикнул Нельсон Бард, магистр ложи Мечей. — Только жрицы имеют доступ к Источнику!

— Люд, обладающий магическими способностями и имеющий доступ к Колодцу Дождей... — не обращая внимания на самого молодого магистра Ордена, задумчиво протянул де Сент-Каре. — Неужели Вестник?

— Мы думаем — да. Зеркало Нави, Дегунинский Оракул и наши аналитики сошлись в одном: предсказание королевы Изары сбылось, и Вестник пришел.

Такое усиление людов грозило большой войной между Великими Домами. В зале наступила тишина.

— Тогда почему он не во главе Зеленого Дома?

— Мы считаем, что королева Всеслава, пытаясь сохранить свою власть, решила убить Вестника и ему пришлось бежать.

— Но он мог просто заявить о себе и свергнуть королеву.

— Мы не знаем, что произошло в Зеленом Доме, и не знаем, что творится в голове этого выродка. — Советник вздохнул. — Доподлинно известно лишь то, что Вестник рожден, но людьми по-прежнему правит королева.

— Тем более, — не унимался Бард, — если он изгнан, то перестал быть опасным.

— Вестник пришел, чтобы разрушить существующий порядок и установить свою власть во всем мире. Изгнан он или нет, он будет следовать к этой цели, ибо в этом его предназначение. Он является реальной угрозой для всех Великих Домов, и в первую очередь для Чуди.

— Почему для нас?

Посланник пожал плечами:

— Чтобы покорить Великий Дом, необходимо в первую очередь лишить его Источника. Вам это известно так же, как мне. Вестник контролирует Колодец Дождей, а значит, его следующая цель — Карфагенский Амулет, Источник Ордена.

Нав, безусловно, был прав. Умный противник не станет размениваться на локальные стычки, а нанесет удар в самое сердце Великого Дома — в Источник, превратив боевых магов в беспомощных статистов и лишив Великий Дом основного преимущества в войне. Вот только никто не знал, откуда черпает свою энергию Темный Двор.

— Похоже, вы уверены в своей безопасности, — буркнул великий магистр.

— Нет. Иначе нас бы здесь не было, — холодно ответил советник. — Если Вестнику удастся захватить Карфагенский Амулет, дальнейшее развитие событий станет непредсказуемым. Мы намерены не допустить этого.

— Не сомневаюсь.

Повелитель Ордена отложил в сторону жезл и, опершись двумя руками на меч, задумался. Все понимали, что навы должны перейти к основной цели своего визита, но де Сент-Каре сознательно оттягивал этот момент:

— Хорошо, но даже если все, что ты сказал, верно и Вестник действительно пришел, взял под свой контроль Колодец Дождей и планирует захватить Карфагенский Амулет и к тому же он самый великий, появившийся в Тайном Городе за последние восемь тысяч лет, даже если все это верно, ему все равно не справиться одному. Мы все это знаем.

— У него есть помощники, — понял вопрос нав.

— Кто?

— Красные Шапки.

Рыцари вновь заулыбались. Красные Шапки? Сброд с окраин, принимающий в свою семью полукровок и изгоев? В табели о рангах Тайного Города они занимали одно из самых презираемых мест: сразу перед осами-крысоловами и летами-гермафродитами. «Лучшую» компанию для завоевания мира представить было сложно.

— А может, он нанял челов? — осведомился Бард.

— Красные Шапки рвутся наверх, — менторским тоном ответил советник, — они давно считают себя обделенными, и не стоит их недооценивать.

— Слабаки!

— Зато их много. А если их возглавит опытный колдун, не испытывающий проблем с энергией...

— Мы разорвем этих дикарей в клочья!

— Красные Шапки, — разнесся по залу голос великого магистра, — это мусор под нашими сапогами, недостойный упоминания в Замке. Если Вестник связался с ними, то он здорово просчитался: даже самый сильный фокусник не сделает из этого сброда армию.

Чуды одобрительно зашумели, оценив шутку своего лидера. Дождавшись, когда они успокоятся, старик продолжил:

— Теперь мы выслушаем предложение князя.

Взоры присутствующих устремились на советника.

— Мой повелитель, князь Темного Двора, просит вас со всей серьезностью подойти к сообщенным нами сведениям. Над Тайным Городом нависла очень серьезная угроза, справиться с которой мы можем, только объединив усилия. — Нав помолчал. — Князь предлагает перевезти Карфагенский Амулет в Цитадель.

Взрыв хохота заглушил последние слова посланника. Смеялись все: магистры, рыцари и даже сидящий на троне старик.

— Это так смешно, — проворчал де Сент-Каре,

утирая слезы, — что мы не будем обращать внимания на оскорбительный смысл твоего предложения, нав. У тебя есть что сказать еще?

— Да, — советник Темного Двора был по-прежнему невозмутим, — Амулет будет просто храниться в Цитадели и непосредственно охраняться вашими рыцарями. Они будут допущены в штаб-квартиру Темного Двора в любом количестве, которое вы назовете. Мы берем на себя внешнюю охрану и рассчитываем, что Любомир не рискнет напасть на Цитадель. Амулет нужен Вестнику, и он заберет его у вас. Так сказал Оракул, и не вам изменить предсказание.

Чуды в недоумении переглянулись: забрать Амулет? Не слишком ли круто для какого-то фокусника?

— Амулет хранится в Замке и будет храниться в нем вечно. Мы способны защитить свои сокровища! — Громовой голос великого магистра не оставлял сомнений, что решение окончательное. Но неожиданно для всех де Сент-Каре обратился ко второму посланнику, скромно стоящему позади советника и не проронившему в течение аудиенции ни единого слова: — У тебя есть что сказать, Сантьяга?

Все, кроме советника, повернулись к комиссару Темного Двора. Тот легко улыбнулся:

— Я разочарован, но не удивлен. Откровенно говоря я предсказывал подобное развитие событий, но, по крайней мере, мы вас предупредили. На моей памяти никто не отказывался от помощи, предложенной Навью. И никто не пренебрег советом князя. Вы — первый, де Сент-Каре, и все, что произойдет дальше, останется на вашей совести.

Поклонившись, навы с достоинством покинули зал.

* * *

*Резиденция Вестника.
Москва, улица Новый Арбат,
21 июля, среда, 00:46*

Город спал. Обессиленная от жары Москва с наслаждением погрузилась в прохладу ночи, ее замершие улицы набирались сил перед новым днем, новой битвой с беспощадным летним солнцем.

Полночную тишину на проспекте Вернадского нарушило мягкое урчание. Массивные ворота Замка медленно распахнулись, и на сонную улицу выехал автомобильный кортеж. Белоснежный перехватчик ДПС и два черных лимузина быстро набрали скорость и помчались в сторону центра. Посланники Темного Двора возвращались в Цитадель.

Изображение удаляющихся машин подернулось рябью и стало терять четкость. Колдун резко взмахнул рукой над тоненьким фарфоровым блюдцем, на поверхности которого едва угадывался слой воды, и устало откинул со лба непослушные белые волосы. Картинка задрожала и пропала совсем.

— Дальше смотреть бессмысленно, — буркнул Любомир, глядя на присутствующих огромными ярко-зелеными глазами. — Великий магистр не отдал навам Карфагенский Амулет.

Присутствующие кивнули, но промолчали, ожидая, что колдун разовьет свою мысль.

Любомир же не торопился. Скрестив на груди маленькие, почти детские ручки, он выбрался из кресла и медленно прошелся вдоль огромного стола, заваленного многочисленными фолиантами, давно не мытыми колбами, ретортами и подозрительного вида медными конструкциями. Стол занимал добрую треть сводчатой комнаты, слабо освещенной двумя чадащи-

ми факелами. Колдун прошел мимо полок, уставленных горшками и горшочками самых разнообразных размеров и форм, содержимое которых, несмотря на то что все они были плотно и аккуратно закрыты, создавало в помещении незабываемый аромат деревенской выгребной ямы. Побродив по своим владениям пару минут, Любомир вернулся в массивное кресло с высокой резной спинкой и, выдержав небольшую паузу, повторил:

— Великий магистр не отдал Амулет навам... Сабля, услышав эти слова, ты должен был отменить нападение на кортеж.

— Да, Любомир, прости, — спохватился фюрер клана Гниличей и, вытащив из кармана мобильный телефон, с судорожной быстротой набрал номер. — Кортеж не трогать... Я сказал, не трогать... Не стрелять... Короче, убирайтесь оттуда, а то головы поотрываю к чертям собачьим, придурки!

Сабля быстро выходил из себя. Единственный из всех предводителей Красных Шапок он получил ятаган фюрера клана в наследство от грозного папаша, а не выцарапал зубами у судьбы и всеми силами старался доказать, что достоин этого высокого титула.

Двое других присутствующих насупленно молчали.

Слева от Сабли на низеньком трехногом табурете расположился Секира — самый молодой и, по общему мнению, самый тупой среди фюреров. Место лидера второго по величине клана Красных Шапок — Дуричей — он заработал благодаря сильно развитому инстинкту самосохранения и звериной жестокости, проявленной во время последних выборов. Одетый, как и остальные фюреры, в черную кожаную жилетку и штаны, Дурич выделялся обилием татуировок на обнаженных мускулистых руках и высоким для Красных Шапок ростом. Секира был полукровкой, наполовину

шасом, что автоматически делало его отверженным в любой семье, кроме Красных Шапок.

Третьим был Кувалда — одноглазый предводитель самого малочисленного клана — Шибзичей. По своему обыкновению он пристроился дальше всех от стола и тихонько наблюдал за происходящим, поглаживая вытатуированное на левой скуле изображение зеленого чертополоха — метку фюрера.

Колдуну же на месте не сиделось. Дождавшись, когда Сабля поговорит по телефону, он вновь покинул кресло и, подойдя к небольшой жаровне, протянул к углям хрупкие бледные руки. Несмотря на то что маленькая фигура Любомира была плотно закутана в тяжелый шерстяной балахон, ему было холодно.

— Великий магистр допустил ошибку, — тихо, почти полупшепотом произнес наконец колдун. — Он должен был прислушаться к словам навов и укрыть Амулет в Цитадели.

— Горфость, — проворчал Кувалда.

Шепелявость Красных Шапок проявлялась у Шибзичей наиболее резко.

— Да, мой одноглазый друг, — согласился Любомир. — Гордость и взаимное недоверие. Великие Дома настороженно относятся друг к другу, поэтому наше мероприятие имеет весьма неплохие шансы на успех. Два быстрых удара, и мы сметем с лица Тайного Города само понятие «Великий Дом».

Колдун согрелся, его бледное лицо слегка порозовело, в глазах загорелся огонь, голос окреп. Фюреры жадно прислушивались. Красные Шапки плохо разбирались в магии, никогда не имели своего Источника, и размышления Любомира казались им откровением небожителя.

— Псор! — громко позвал колдун.

Открылась маленькая дверца, затерявшаяся среди